

Ч. Варга

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПОПЫТКИ ЗАПАДА ЭКСПОРТИРОВАТЬ «НОВУЮ ЭТИКУ»

**за счет смягчения права путем отсылки к правам человека и
верховенству права**

Панорама от прошлого к настоящему

С позиции Центральной Европы то, что мы с некоторым упрощением называем *Западом*, всегда было точкой отсчета и ориентиром. Фактически та территория, которая именуется *Востоком*, исторически развивалась по-другому. Политическая философия Востока базировалась на несколько иных основаниях и, соответственно, привела к иной институционализации. Поэтому естественно, что общая концепция государственности и взаимоотношений между государством и живущими в нем людьми также сформировалась принципиально иной. Учитывая размеры и богатое прошлое Российской империи, вполне понятно, что для ее мыслителей особый *русский* путь и идеалы представлялись адекватной и желанной альтернативой в случае свободного выбора. Однако как только разные экономические системы стали частями единой мировой экономики, а межгосударственные отношения из соседских переросли в действительно международные, Запад трансформировал свое экономическое господство в политическое, более того — занял позицию мирового квази-правителя, несущего флаг идеала, который демонстрировался как окончательный прогресс человечества. Следствием этого стало то, что постепенно в евроатлантических странах Атлантики и Западной Европы начали говорить о *центре*, который представляют они, и о *периферии(-ях)*, к которой относятся другие территории, то есть о периферийности истории и жизненного уклада всего остального мира¹.

Существует устойчивая традиция такого видения западоцентризма как эталона. Ее признаки можно найти уже в древней истории, когда более тысячи

¹ https://en.wikipedia.org/wiki/World-systems_theory.

лет назад едва известный «остальной мир» был так или иначе открыт для Запада. Она достигла кульминации в эпоху колониализма. После этого стала развиваться наука антропология, которая началась со сравнительного изучения различных человеческих общностей.

Та часть Европейского континента, которую историки называют *Центральной Европой*, решительно начала свое историческое развитие под двойным влиянием — Византии и Рима [9]. Поэтому неслучайно именно здесь контрастные характеристики Востока и Запада проявились особенно красноречиво [4; 10]. На исторически сложившуюся отчетливую прозападную ориентацию указывает тот факт, что, в частности, венгерские правители последовательно голосовали за нее как за естественный выбор начиная с венгерского Средневековья, когда страна была еще связана с Римом, и еще более осознанно — с XIX века, когда наступила эпоха модернизации. В современной отечественной и международной науке процесс, в котором Венгрия как некогда европейская держава была вынуждена наверстывать упущенное после разрушения татарами, турецкой оккупации, борьбы с деспотичным правлением Габсбургов и катаклизмов более позднего времени, все чаще называют исключительно *модернизацией* в западном понимании этого термина [6].

Благодаря каналам, которым пришлось действовать подпольно, эта ориентация сохранялась в течение полувека после Второй мировой войны как мечта почти всего населения в противовес утопии навязанного социализма. Но к началу 1990-х годов, когда в мировой политике произошли радикальные перемены, и позднее, когда Венгрия смогла вступить в НАТО за год до начала нового тысячелетия и в Европейский союз пять лет спустя, Запад уже претерпел глубокие изменения, сравнимые (символически) с триумфом новой морали, которую проповедовали участники студенческих протестов 1968 года в Америке [2], Париже и т. д. [11, р. 131–163]². Таким образом, в течение нескольких десятилетий венгры столкнулись не только с эрозией

² См. также: <http://mek.oszk.hu/15300/15386>.

западноевропейской и атлантической концепции безопасности и материального изобилия, роскошного образа жизни, которого они не получили, но и с постоянным снижением, почти исчезновением чувства ответственности и способности защитить себя в случае необходимости. Иными словами, к середине 2010-х годов признаки сегодняшнего кризиса уже были налицо. Он включал, помимо полного пренебрежения ко всему, что сохранилось как традиция, безудержную миграцию, пересмотр моральных норм, отказ от любых табу в сексуальности, а также от воспитания человека в семье, то есть основополагающих факторов социальной интеграции. В результате появилась отчетливая тенденция уничтожения любой культуры так называемой культурой отмены в Америке, а затем все больше и в Европе.

Интересно, что современные изменения правовых норм и общественные дебаты на эту тему всегда исходят из двух понятий, которые не только отличаются предвзятостью в отношении определенного аспекта, но и непосредственно выполняют направляющую функцию. Эти понятия не являются ни истинно правовыми, ни достаточно определенными, однако они служат своего рода идеалом права. Первое — действовать во имя прав человека, второе — требовать верховенства права.

Правовые аспекты? Идеология и практика защиты прав человека

Изначально, с древних времен права человека описывались в категориях достоинства личности, созданной по образу Бога (*imago Dei*). Эпоха Просвещения и ее финал — Великая Французской революция — привели к появлению первой, похожей на манифест, декларации прав человека. Уже в первых реакциях на их идеологизацию ощущалось отсутствие реальной основы, а также их произвольная гибкость и спорность. Что касается научной реконструкции, то стало ясно, что, хотя эти претензии, утверждаемые помимо закона, риторически основаны на их внутренней бесспорности, единственной целью активных сторонников защиты прав человека было вписать их в закон для утверждения в рамках и с помощью права. Когда это произойдет,

сложность правовой системы приведет к тому, что будут иметь значение только уровень правового источника и контекст (ранг) принятой таким образом нормы о правах человека, независимо от того, какие соображения лежали в ее основе.

Что касается источника обязательств, вытекающих из прав человека, то научный анализ позволяет сказать только одно: права человека представляют собой проект. Нам ставят задачу, мы живем в соответствии с ней, теоретизируем, а затем соответствующим образом адаптируем свое поведение. Таким образом происходит самоподтверждение этой теории. Точно так же знание прав человека само по себе создает реальность прав человека, которая будет в значительной степени соответствовать изначально постулированному описанию реальности [8]. Кроме того, в любой формальной норме, а значит и в праве, лингвистическое представление о связях в рамках определенного понимания человеческой среды, основанное на сложившейся социальной практике и психологических установках каждого отдельного участника, способно как фактор мотивационной системы действия влиять на нее таким образом, что может в массовом масштабе и с определенной эффективностью реально формировать действие по своим образцам (точнее, вводить такую систему в рамки, заданные его образцами).

С момента принятия *Всеобщей декларации прав человека* (1948) политики, дипломаты, юристы, философы постоянно работают над расширением и дополнением официального перечня прав человека, почти непрерывно и бессистемно, и конца этому не видно.

Можно спорить о том, являются ли права человека абсолютным правом, которым он наделяется односторонне, независимо от других обстоятельств и от того, несет ли их обладатель и адресат обязательства перед своими ближними, своим сообществом, своим государством, своим миром и выполняет ли он эти обязательства — возможно, в качестве предварительного условия для того, чтобы эти права соблюдались. Почти столетие назад один влиятельнейший испанский мыслитель предостерегал против *рассеивания ответственности* [7], прежде всего против его разрушительного эффекта, вследствие которого

гарантированная забота сделает нас безответственными детьми [5]. «Язык прав» [3], который с тех пор был институционализирован как практически безальтернативный в Америке, теперь является односторонне выраженным ожиданием от нас помощи и поддержки, причем всегда по отношению к другим и никогда по отношению к нам самим, как проявление паразитизма за счет остальных. Причина, по которой идеологии прав человека окутаны молчанием, отражающим неприятие идеи единства прав и обязанностей³, заключается в том, что их неявной целью стала уже не просто лечебная профилактика, а все более явная атомизирующая индивидуализация общества, состоящего из одиночек [13]⁴.

Правовые аспекты? Скрытая роль верховенства права

По своей сути требование верховенства права в том виде, в каком оно декларируется сегодня, не только схоже с требованием прав человека, но имеет и иную природу. На самом деле оно возникло из другого источника. В своем первом варианте немецкое *Rechtsstaat* (правовое государство), как современное образование, пришедшее на смену *Polizeistaat* (административному государству) на рубеже XVIII–XIX веков, стало категорией учения о форме государства (*Staatsformenlehre*), характеризующейся как устройство, в центре которого находится конституционная организация в соответствии с законом (правом), где все, от рядового гражданина до правителя, связаны одним законом. Собственно *верховенство права (rule of law)* было исторически сформулировано как общее выражение конституционности английской государственности на рубеже XIX–XX веков, а его основным критерием была всего лишь возможность разрешить любой спор в независимом суде.

³ Хотя основной постулат «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» был столь же ясен для Маркса (см.: <https://www.marxists.org/archive/marx/iwma/documents/1864/rules.htm>), как и сегодня для создателей Социальной доктрины католической церкви, проповедующей «взаимное дополнение прав и обязанностей» [Папский совет справедливости мира] в Компендиуме социальной доктрины церкви 2004 года (см.: https://www.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/justpeace/documents/rc_pc_justpeace_doc_20060526_compendio-dott-soc_en.html ; §156).

⁴ См. также: <https://ojs3.mtak.hu/index.php/cejcl/article/view/6041/4723>.

В конце Второй мировой войны оба термина практически не употреблялись. Английское «верховенство права» начало приобретать свое нынешнее значение в разгар холодной войны, в 1957 году, как заявление Запада о том, что такое демократия, в отличие от советской диктатуры. Приведу пример из собственной жизни. В середине 1960-х годов я заканчивал учебу в Пече, где когда-то был основан один из первых университетов Центральной Европы. Для нас *Rechtsstaat* существовало только как ключевое слово периода германской модернизации государства в XVIII–XIX веках, и мы ничего не слышали о термине «верховенство права», который в то время был не более чем *epitheton ornans* (украшающим эпитетом. — *Примеч. перев.*) самовосхваления Запада и использовался в основном как его юридический признак, не имея собственного значения. Это было, в общем, справедливо. Таким образом, почти бессодержательный посыл немецкого *Rechtsstaatlichkeit* и английского *rule of law*, согласно которым закон обязателен для всех и может быть принудительно исполнен в суде, был едва ли более убедителен, чем в целом неплохая немецкая поговорка *Das Recht ist das Recht* («Закон есть закон»). Под воздействием «социалистического нормативизма», восходящего к А. Вышинскому, приспешнику Сталина и одновременно теоретику права, практически одно и то же преподавали тем, кто изучал право по книгам, и тем, кто давал клятву применять его на деле. И действительно, всем нам, студентам стран Центральной и Восточной Европы, входящих в зону влияния СССР, приходилось изучать одни и те же учения; возможно, единственное преимущество, которое мы имели благодаря нашему «западническому» прошлому, заключалось в том, что мы могли ближе познакомиться с «буржуазными» и «империалистическими» политическими и правовыми доктринами начала XX века и тогдашней современности.

Интересно, что международное возрождение этого понятия, то есть его превращение в ключевой термин, который может охватить практически все политические, экономические и профессиональные ожидания юристов в отношении права, началось практически одновременно с распадом Советского

Союза и выбором нового пути для Центральной Европы. Было ли это совпадением или стратегической необходимостью для все еще великой державы? В любом случае, если в период с 1944 по 1991 год распространенность английской версии рассматриваемого термина в электронном мире увеличилась примерно в 2–3 раза, то в дальнейшем рост этого показателя резко ускорился: с 1992 по 2007 год примерно в 17, а с 2008 по 2020 год — в 35 раз! Почему это произошло?

Прежде всего за этим стоит включение верховенства права как критерия, воплощающего стандарт ценностей, в язык дипломатии и кодекс международных отношений. Впервые он был использован Всемирным банком и Международным валютным фондом как органами ООН и, как следствие, в других международных экономических структурах, в том числе тех, которые оказывают помощь в мировых масштабах, — термин, который теперь можно использовать и для шантажа. Затем он стал термином номер один в кампании, начатой Генеральным секретарем ООН (2004); за ним последовал ОЭСР (2005), а затем и Европейский союз (2011), который использовал его в качестве собственного критерия. Более того, ожидалось, что его воздействие будет многократно усилено возрождением политики публичного порицания в международных отношениях в этих особенно чувствительных областях [1], иногда заменяющей, а не дополняющей корректное и непредвзятое использование языка [14].

Традиционные ценности человечества или «новая этика» Запада?

С точки зрения философии права или правовой политики решающим в вышеописанном развитии событий стало то, что концепции *Rechtsstaatlichkeit* и *rule of law* укоренены в конкретных исторических обстоятельствах, так как возникли в повседневном контексте вызова и ответа в конкретных странах, в прагматике конкретных мест и времен. То есть и то, и другое формировалось на местном уровне специфическим образом, поскольку повсеместно возникало в ответ на запросы, характерные именно для того времени. И только позднее они,

возможно, стали несколько более универсальными, отчасти освободившись от своего локального характера, особенно благодаря взаимной ассимиляции национального опыта в результате некоторого процесса взаимного обучения. Однако тот факт, что верховенство права является *неопределенной ценностью*, продолжает оставаться подводным камнем. С одной стороны, историческое значение термина не описывает его современного использования; с другой — всеобщее и чрезмерное использование, выходящее далеко за рамки предполагаемых им прав, раздуло само его значение.

Согласно теоретическим исследованиям, верховенство права само по себе является одним из так называемых существенно оспариваемых понятий, не имеющих очевидного и четкого фокуса или границ и фактически никакой догматики. И оно ничем не ограничено, но все время находится под перекрестным огнем разных политических амбиций, склонности к инновациям или желаний любого автора считаться предтечей, пользуясь его характерной «податливостью» — изменчивостью и растяжимостью. То же самое происходит и с правами человека, где день за днем самые разные группы влияния, включая маргинальные, требуют поддержки для себя — и всегда, разумеется, за счет средств и толерантности других членов общества.

Следовательно, «верховенство права» *не является операционализируемым понятием* в праве. Это отражается еще и в том, что в основном в международных документах, призывающих к имплементации этого понятия как ценности, оно используется либо как самодостаточный термин, либо как концептуальное обобщение с перечнем желаемых компонентов, которые сами по себе являются всего лишь такими же неопределенными обобщениями.

Таким образом, недостаток концептуальной операционализируемости термина очевиден уже на двух уровнях. С одной стороны, он не имеет *фактического определения*. То есть он не определяется фактами (*Tatbestand*), которые могут представлять собой прецедент в праве, и поэтому не может быть априори применен в праве, то есть установлен как прецедент. С другой

стороны, само верховенство права складывается из набора ценностей, которые, будучи полностью реализованными, могут оказаться взаимоисключающими. Это означает, что их реализация в любом случае предполагает действия по взвешиванию и балансированию в поисках оптимального решения. Отсюда следует, что верховенство права — это *идеал*, которого невозможно достичь в полном объеме, поскольку, каким бы ни было достигнутое решение, оно всегда будет оставаться спорным. Или, иначе говоря, верховенство права — это то, к чему можно (и нужно) стремиться и приближаться, чтобы достичь оптимальной реализации, с разной степенью успеха [12]⁵.

«Права человека» и «верховенство права» как смягчители закона и средства импорта «новой этики»

На протяжении десятилетий основным направлением западноевропейской и атлантической философии права было стремление связать закон, ранее заключенный в формальности, что обеспечивало его неприкосновенность, с повседневной социальной практикой и особенно с политической сферой с ее постоянно меняющейся аморфной сущностью. В этом и заключается цель всех попыток *смягчить закон*, внедряя «мягкое право» в каждую доступную нишу, чтобы обеспечить *гетерогенность* взамен до сих пор более или менее надежно сохраняемой *гомогенности* закона.

Показательно, что международные декларации о верховенстве права не просто устанавливают *статус-кво*, достигнутый по общему согласию, но своей формулировкой, в которой говорится о правах человека в целом, без их конкретизации или перечисления, то есть без каких-либо ограничений, они призваны внедрить *статус-кво* в качестве обязательства. Таким образом, они претендуют на то, чтобы наложить на государства обобщенные будущие обязательства, проистекающие из прошлого; обязательства, которые не были ни созданы, ни известны в момент заключения соглашения или договора и которые не стало бы принимать на себя государство, подписавшее договор.

⁵ См. также: <https://zenodo.org/record/6466110#.YlwXSzW8qUk>.

В довершение ко всему есть еще ряд явлений, которые Европейский союз тем временем перенял из Западной Европы и Соединенных Штатов Америки: миграция, повышенное внимание к вопросам сексуальной ориентации, гендерной принадлежности и возможность выбрать пол по своему усмотрению, позор быть белым, христианином и гетеросексуалом, а также распространение предполагаемых обязательств по репарациям на страны, которые, будучи колонизированными, никогда не имели колоний.

Итак, каково сегодня состояние верховенства права, а вместе с ним и прав человека?

Можно было бы подытожить практику следующим образом: у каждого в рукаве есть несколько джокеров, но никто не знает истинную ценность своих карт. Возможно, игроки даже не знают самих себя. Однако каждый получает согласно тому, что он заявляет, когда разыгрывает свои карты. Или же, подводя итог, было бы ошибкой предполагать, что за разницей во мнениях между, скажем, Брюсселем и Будапештом стоит иная концепция верховенства права. Все, что мы можем видеть, это то, что одна сторона разыгрывает джокера как игрок с картами, не имеющими фиксированной ценности, поэтому никакой игры в реальности не происходит, в то время как другая сторона просто указывает на это обстоятельство как на то, что, возможно, не стоит игнорировать. Очевидно, что, когда последняя, присоединившись к игре, приняла ценность верховенства права (или *l'État de Droit*, или *Rechtsstaat*), она сделала это, исходя из их негласного понимания на тот момент и считая, что никто не будет использовать само понятие как пустую форму, которую снова и снова сможет по своему усмотрению наполнять любое лицо, занимающее доминирующее положение в необозримом будущем. То есть если сегодня я соглашаюсь не идти на войну, это не означает, что завтра я откажусь от своей жены, большой семьи и состояния.

Согласно вышесказанному, глобализация, с одной стороны, является продолжающимся процессом и, следовательно, фактом, который необходимо признать; с другой — это решения относительно его желаемого и избранного

уровня и глубины, характера и воздействия. В любом случае это выбор, который должны сделать культуры и нации. Поэтому вопрос *глобализма* и *локализма* — это не просто вопрос «или–или», но вопрос ответственного выбора, а именно: в каких областях и вопросах, на какую глубину и в каком направлении мы хотим видеть продолжение традиционных ценностей и развитие своей культуры в нашем собственном локализме, дополняющем нынешнее мировое течение глобализма.

Вывод

Проводя линию социальной и правовой трансформации от прошлого к настоящему, мы сталкиваемся, с одной стороны, с попытками реализации утопии безграничных и условно недемократических сил, целью которых является открытое общество, глобализированное и атомизированное одновременно, с другой — с постепенным отказом от компонентов, которые могут обеспечить формальные обязательства и гарантии в праве. Права человека из защиты личности от государственного доминирования превратились в средство окончательной индивидуализации общества, а верховенство права стало моделью, которая может быть свободно адаптирована любой силой в любой момент в соответствии с политико-идеологическими требованиями любого мейнстрима. Сегодня все это направлено на служение глобализации «новой морали» с характерными симптомами продолжающегося декаданса на Западе, включая миграцию, гендерную принадлежность по выбору, заменяющую человеческий женско-мужской дуализм, и подмену семейных и национальных связей идеалистической аморфностью нового либерального стремления к так называемому открытому обществу.

Литература

1. *Badie, B. Humiliation in International Relations / B. Badie. — Oxford : Hart Publishing, 2017. — Текст : непосредственный.*

2. *Bork, R. H. Slouching towards Gomorrah* / R. H. Bork. — New York : Regan Books, 1996. — Текст : непосредственный.
3. *Glendon, M. A. Rights Talk* / M. A. Glendon. — New York : Free Press, 1991. — Текст : непосредственный.
4. *Iordachi, C. Entangled Histories* / C. Iordachi. — Текст : непосредственный // *Regio*. — 2004. — Vol. 4 (1). — P. 113–147.
5. *Jonas, D. Man-child* / D. Jonas, D. Klein. — New York : McGraw-Hill, 1970. — Текст : непосредственный.
6. *Kulcsár, K. Modernization and Law* / K. Kulcsár. — Budapest : Akadémiai, 1992. — Текст : непосредственный.
7. *Ortega y Gasset, J. Revolt of the Masses* / J. Ortega y Gasset. — London : Allen & Unwin : New York : Norton, 1932. — Текст : непосредственный.
8. *Sajó, A. Az emberi jogok mint tudásrendszer [Human rights as a set of knowledge]* / A. Sajó. — Текст : непосредственный // *Állam- és Jogtudomány*. — 2004. — Vol. XLV (1). — P. 3–38.
9. *Scott, J. W. Rebordering Central Europe* / J. W. Scott. — Текст : непосредственный // *Cross-Border Review*. — 2016. — № 1. — P. 9–28.
10. *Szűcs, J. The Three Historical Regions of Europe* / J. Szűcs. — Текст : непосредственный // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1983. Vol. 29 (2 / 4). — P. 131–184.
11. *Varga, Cs. Humanity Elevating Themselves?* / Cs. Varga. — Текст : непосредственный // *Varga Cs. Comparative Legal Cultures*. — Budapest : Szent István Társulat, 2012..
12. *Varga, Cs. Idol, Deduced from an Ideal? Rule of Law, Universalization, Degradation* / Cs. Varga. — Текст : непосредственный // *Philosophy of Law and General Theory of Law*. — 2019. — № 2. — P. 192–214.
13. *Varga, Cs. Rule of Law, Contesting and Contested* / Cs. Varga. — Текст : непосредственный // *Central European Journal of Comparative Law*. — 2021. Vol. II / 1. — P. 245–268.

14. *Varga, Cs. The Problematics of Human Rights / Cs. Varga. — Текст : непосредственный // Varga Cs. Rule of Law, Contesting and Contested. — Budapest : Ferenc Mádl Institute of Comparative Law, 2021. — P. 246–264.*